

Литературная жизнь сюжета

Научная статья

УДК 821(4)09''04/10'', 821.161.1.09

DOI 10.25205/2713-3133-2026-2-5-26

Тема сердца в сборнике «Великое Зерцало» и ее рецепция в известной русской литературе агиологическом нарративе об Антиохийском епископе Игнатии Богоносце

Светлана Климентьевна Севастьянова

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

sevask@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9131-3285>

Аннотация

Анализируется тема сердца – одна из наиболее интересных в сборнике «Великое Зерцало». Особое внимание уделено повествованиям о сердце со знаками Бога. Используя метод комплексного осмысления древнерусской словесности, изобразительного искусства и церковной историографии, автор выявляет круг русскоязычных литургических и агиографических текстов об Игнатии Богоносце и сравнивает их содержание с рассказом из «Зеркала» в описании смерти святого. Агиологический нарратив о святителе Игнатии включает богослужебные тексты и три жития. Ни один из источников при описании мученической кончины епископа не касался темы его сердца. Предание об Игнатии Богоносце как дополнение к житию святого вошло в Четвы Минеи митрополита Димитрия Ростовского. Сторонник православного вероучения, владыка не отрицал заимствований из западной культурной традиции и находил способы интерполировать в православную конфессиональную культуру инославные идеи, укреплявшие ее. В статье об Игнатии он смягчил физиологический аспект западно-христианской символики сердца, чуждый православному умозрительному пониманию образа, закрепив в православной кардиогносии укорененный в Священном Писании и святоотеческих учениях образ сердца как символ Христа, средоточие православной веры, «клетвь» молитвы. Комплекс агиологических текстов об Игнатии Богоносце позволяет трактовать декларируемое Антиохийским епископом отождествление христианина с богоносцем как подобие Христа в широком экклезиологическом смысле, а образ сердца, наполненный Богом, – как символ Православия.

Ключевые слова

тема сердца со знаками Бога, сборник «Великое Зерцало», Антиохийский епископ Игнатий Богоносец, агиологический нарратив, святитель Димитрий Ростовский

Для цитирования

Севастьянова С. К. Тема сердца в сборнике «Великое Зерцало» и ее рецепция в известной русской литературе агиологическом нарративе об Антиохийском епископе Игна-

© Севастьянова С. К., 2026

eISSN 2713-3133
Сюжетология и сюжетология. 2026. № 2. С. 5–26
Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis], 2026, no. 2, pp. 5–26

The Theme of the Heart in the Great Mirror Collection and Its Reception in the Well-Known Russian Hagiological Narrative about the Antiochian Bishop Ignatius the God-Bearer

Svetlana K. Sevastyanova

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
sevask@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9131-3285>

Abstract

This article focuses the theme of the heart, a particularly compelling element in the collection “The Great Mirror”. Special attention is paid to narratives about the heart with the marks of God (the literal inscription of the name of Jesus upon the heart). Employing a comprehensive approach to Old Russian literature, visual arts, and church historiography, the author identifies a range of Russian-language liturgical and hagiographic texts about Ignatius the God-Bearer. These texts are compared with the account in “The Great Mirror” describing the saint’s death. While the surviving hagiological sources about St. Ignatius (liturgical texts and three lives of saints) do not directly address his heart, this theme can be found in the *Chetiv-Minei* (Menaion Reader) by Demetrius of Rostov. In spite of being a supporter of Orthodox doctrine, the bishop did not reject certain Western cultural influences, skillfully interpolating them into Orthodox confessional culture to strengthen it. In his writing on Ignatius, he softened the physiological emphasis of Western Christian symbolism of the heart, alien to the Orthodox conceptual understanding of the image. Instead, he established within in Orthodox cardiognosticism the image of the heart, rooted in Holy Scripture and patristic teachings, as a symbol of Christ, the center of the Orthodox faith, and the “cell” of prayer. The collective body of hagiological texts on Ignatius the God-Bearer allows us to interpret the Antiochian bishop’s declared identification of a Christian with the God-Bearer as a likeness of Christ in a broad ecclesiological sense, and the image of the heart ‘filled with God’ as a symbol of Orthodoxy.

Keywords

the theme of the heart with the signs of God, the collection “The Great Mirror”, Bishop of Antioch Ignatius the God-Bearer, hagiological narrative, Saint Demetrius of Rostov

For citation

Sevastyanova S. K. The Theme of the Heart in the Great Mirror Collection and Its Reception in the Well-Known Russian Hagiological Narrative about the Antiochian Bishop Ignatius the God-Bearer. *Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis]*, 2026, no. 2, pp. 5–26. (in Russ.) DOI 10.25205/2713-3133-2026-2-5-26

Введение

К числу наиболее интересных и захватывающих сюжетов сборника «Великое Зерцало» (далее – ВелЗ), в 1670–1680-е гг. дважды переведенного на русский язык с польских изданий XVII в., относятся сюжеты о человеческом сердце. В ВелЗ

понятие «сердце» неоднозначно. Оно используется в анатомическом значении – как жизненно важный орган, сердечная мышца. В двух «примерах»¹ героев охватила болезнь сердечная, «возбудила» тело и расслабила «составы»; еще в двух героини «без всякия болезни» скоропостижно скончались от разрыва сердца во время посещения Святой Земли. В рассказе о «некоем лакомом» говорится об извлечении из тела умершего сердечной мышцы для установления, «кое прилучение напрасной его смерти» (*Син101*, л. 215, 358 об.; 309, 475 об.; 507). Анатомическая направленность подобных рассказов соответствует традиции переводных с латинского или польского языков сочинений медико-биологического содержания, в которых знания о «внешней» природе человека не сочетались с патристической традицией.

Образ сердца используется в ВелЗ для раскрытия сущности человека. Одной жене было видение: некий человек вонзил в сердце ее супруга-изменника острое оружие (*Син101*, л. 182 об. – 183). Сердце как символ плотской любви характерен для западной светской культуры. В геральдическом справочнике Яна Тесинга и Ильи Копиевского «Символы и эмблемата», известном в России с начала XVIII в., есть изображения сердца, пронзенного стрелой, и Купидона, целящегося в него.

Но особого внимания в ВелЗ заслуживают «примеры» о сердце со знаками Бога. Сосредоточимся на одном из них – о сердце св. Игнатия Богоносца († 107), еп. Антиохийского, почитаемого на Руси благодаря сложившемуся и вошедшему в повсеместное богослужбное употребление корпусу сочинений о нем.

Агиологический нарратив о свт. Игнатии состоит исключительно из переводных произведений – житий («мучения», «страдания» и «страсти») и гимнографии. Выявление, анализ, сравнение источников, сквозное их исследование с описанием агиографических топосов и общих тем соответствует научному направлению под названием «критическая агиография», делающему сегодня первые шаги в отечественной науке.

Подлинная «критическая агиография» представляет собой «анализ не единичных памятников, но их массивов в рамках жанров, который позволит отделить единичные явления от общих закономерностей» [Виноградов, 2012, с. 620]. Этот опыт освоения агиографии зародился в XVII в. в кругу ученых иезуитов. Х. Розвейде (1569–1629) и И. Болланд (1596–1665), положившие начало серии *Acta Sanctorum*, Г. Узенер (1834–1905) и Ипполит Делеэ (1859–1941), Поль Петерс (1870–1950) и Михаил ван Эсбрук (1934–2003) – по этим именам ученых можно реконструировать основные этапы складывания и развития критической агиографии как самостоятельного научного направления западной медиевистики. Опираясь на этот опыт, мы изучили литургические и агиографические источники об Игнатии Богоносце на русском языке, проанализировали их содержание, описали художественные средства и приемы, при помощи которых изложены жизнь, поступки, богословские идеи и обстоятельства смерти Антиохийского епископа, позволившие древним авторам прославить его как священномученика. Мы сравнили фрагменты о смерти Богоносца в сочинениях о нем с преданием о сердце с золотыми литерами имени Иисуса Христа из ВелЗ и попытались определить

¹ Слово «пример» с кавычками обозначает жанр, идентичный средневековому *exemplum*, без кавычек – иллюстрацию, пояснение, образец.

место средневековой легенды в кругу русскоязычных литургических и житийных источников о епископе, а также роль предания в осмыслении православной культурой нового времени подвига святого.

Легенда о сердце Богоносца в западноевропейской средневековой культуре

Сведения о жизни и кончине свт. Игнатия содержались уже в древнейших источниках, по которым реконструируются главные события в жизни святителя.

Родившийся, вероятно, в Антиохии и по происхождению, скорее всего, сириец Игнатий обучался у ап. Иоанна Богослова, в 68 г. сменил апп. Евода и Петра на антиохийской кафедре, а в 107 г. за исповедание Христа в Риме был брошен на растерзание львам (*Martyrium...*, 1894). Игнатий признается первым крупным христианским писателем, автором семи посланий местным церквям, составленным по дороге на казнь. Мощи святителя почти сразу после его смерти были перенесены в Антиохию, но вскоре возвращены в Рим, где хранятся в ковчеге в верхнем ярусе базилики св. Климента в конфессии главного алтаря. В восточной и западной церквях память свт. Игнатия в день его смерти совершается в разные даты: 20 декабря в православной и 17 октября в католической; 29 января (по юлианскому календарю) празднуется перенесение его мощей.

Древние источники, сообщая о смерти епископа, не упоминают о его сердечной мышце. Между тем вокруг образа сердца со священными отметинами строится сказание из ВелЗ. Приведем этот текст².

¹Прилог 5¹. Имя Иисус² Христово³
на сердца святого Игнатия написано обрѣтесе. ⁴Глава 377⁵

Чтем в житии⁶ святого Игнатия, ученика святого ⁷апостола и евангелиста⁷ Иоанна. Сей⁸ во едино время, егда мучение⁹ терпяше¹⁰, имене Иисус¹¹ Христово¹² не преста призвати¹³. Его же, егда¹⁴ мучители¹⁵ вопрошаху¹⁶, чего¹⁷ ради тако ¹⁸часто имя Иисусово¹⁹ призываеши²⁰, отвѣща²¹, яко “сие имя есть написано²² в²³ сердца моем, и того ради призывати не престаю²⁴”. Егда же его²⁵ лвы²⁶ удавиша²⁷, обаче не растерзаша²⁸, мучители же хотяще²⁹ искусити и правду³⁰ познати, еже сказа святой. Сердце³¹ из³² тѣла³³ его выняша³⁴, а в полы раздѣлиша и обрѣтоша на сердца его^a написано златыми

² К основному списку *Син101* (л. 294 об.) подведены разночтения по ркп XVII–XIX вв., содержащим первый перевод. Это: *T1* (л. 275); *E1* (л. 155 об. / 157 об.); *E2* (л. 430 / 468); *M* (л. 52 об. / 71 об.); *T2* (л. 174 – 174 об.); *B* (л. 258); *Щ* (л. 257 – 257 об.); *См* (л. 297 об. – 298); *Сн* (л. 230); *X* (л. 230); *У* (л. 146). Манускрипты указаны: [Державина, 1965, с. 155–157; Николаев, 2008, с. 171–185].

Здесь и далее тексты издаются по правилам ТОДРЛ: буква «ѣ» сохраняется во всех случаях, «ъ» и «ь» – только в середине слов; йотированная «а», «а», «ѧ» переданы как «я»; дифтонг «оу» – как «у»; титла раскрываются без оговоренности; пунктуация соответствует современному прочтению.

словами “Иисус³⁵ Христос”. И того ради чудесе³⁶ множество от³⁷ невѣрных³⁸ обратишася³⁹ ко Христу и прияша истинную⁴⁰ вѣру.

Примечания

^{a-a} *Доб. по Т1, Т2, Е1, См, Б, Сн, Х, У.* ¹⁻¹ *Нет Т2; Глава 376 Б; Глава 477. Прилог 5 См.* ² *Исус М, Т2, Х, У.* ³ *Христова У.* ⁴⁻⁵ *Нет Т1, Е1, М, Б, Щ, См, Сн, Х, У.* ⁵ *148 Т2.* ⁶ *животе М; животѣ Щ, См, Сн.* ⁷⁻⁷ *Нет М2.* ⁸ *Се Е2, М.* ⁹ *мучения Щ.* ¹⁰ *терпяще Х, У.* ¹¹ *Исус М, Х, У.* ¹² *Христа Е2.* ¹³ *призывати Е1, Т2, Сн.* ¹⁴ *егда Т1.* ¹⁵ *мучитель Е2.* ¹⁶ *вопрошаше Т1.* ¹⁷ *чесо Т1, Т2, Е1, Е2, М, Б, Щ, Сн, Х, У.* ¹⁸⁻²⁰ *призываеши часто имя Иисусово Е2.* ¹⁹ *Иисусово Х, У.* ²⁰ *призываше Щ, Сн, У.* ²¹ *отвеща Т1.* ²² *написанно Е2.* ²³ *въ См, У.* ²⁴ *прѣстаю М; стаю Х.* ²⁵ *ево Т1.* ²⁶ *львы Т1, Т2, Е1, Б, Щ, Х; лви М, См, Сн.* ²⁷ *удавивше Сн.* ²⁸ *разтерзаша Т2; растерзаше и сердца М.* ²⁹ *хотяше Е1, Е2, М, Б, У.* ³⁰ *правду У.* ³¹ *Нет Е2.* ³² *ис Т1, Е2; от М, Щ, См.* ³³ *тела Т1, М.* ³⁴ *изъеше Т1; вземше Т2; иземъше Е1, У; отъемше М; отъемше Щ, См, Сн; иземше Б, Х; далее доб. в полы раздѣлиша и обрѣтоша (обретоша М, Щ) на сердца его Т1, Т2; Е1, См, Б, Сн, Х, У.* ³⁵ *Исус Х, У.* ³⁶ *чюдѣси М; чудеса Щ.* ³⁷ *Нет Т1, Т2, Е1, Е2, Б, Щ, См, Х, У.* ³⁸ *нѣвѣрных См.* ³⁹ *обратися Т1, Б, Х; обрѣтошася Щ.* ⁴⁰ *истину Т1, Б.*

Несмотря на незначительные лексические и грамматические расхождения, все варианты текста содержат общие детали: во время казни львы оставили плоть Игнатия не тронутой, а палачи для проверки истинности слов святого «сие имя есть написано в сердца моем» разрезали мышцу и обнаружили в ней золотые литеры. Считается, что именно в мученических актах объяснялось, каким образом сердце оказалось доступным для обозрения. В Антиохийской редакции Игнатий назван Богоносцем как «имеющий Христа в сердце», однако здесь сообщается, что священномученик был съеден львами, и на месте казни остались лишь крупные кости; в Римской же редакции, говорится о том, что звери придушили святого, и сердце и другие части тела святителя остались целыми (Преображенский, 2008, с. 273, 345, 355, 473, 477, 478, 496, 497).

Христоцентричность богословия святителя, пронизанного «жаждой смерти», «мученическим пафосом» и специфическим «материальным» аспектом Боговоплощения [Брент, 2012, с. 77], раскрывается в «примере» схематично – в монограмме имени Христа на сердечной мышце. Прозвище «Богоносец», которое закрепилось за епископом благодаря такому именованию им себя и всех верных христиан, объясняется в сказании с позиции религиозной рациональности, проявившейся в богословской и вероучительной традиции латинского христианства, как отмечают исследователи, уже в XIII в. [Яцык, 2016].

Предание об уцелевшем после казни сердце Игнатия Богоносца было хорошо известно в западной средневековой культуре. Оно повлияло на легенду о сердце Жанны д'Арк, якобы не сгоревшем во время казни Орлеанской девы. «Пример» о сердце Богоносца включен во многие латинские сборники. В. П. Владимиров, систематизировавший источники ВелЗ, указанные в краковском издании 1633 г. ВелЗ, отметил, что этот рассказ заимствован из сборника монаха-доминиканца Винцентия из Бовэ [1884, с. 33]. Действительно, в польском сборнике есть ссылка: «Vincentius libro 10, capite 57» (Wielkie Zwierciadło..., col. 265). В 57-й главе 10-го раздела одного из четырех томов «Speculum Historiale» есть примечание, из которого ясно, что источник статьи о сердце Богоносца – свод средневековых примеров под названием «Speculum Exemplorum ex Diuersis Libris in Unum Laboriose

Collectum & Primo ex Dyalogo Grigorij Pape (Deventer: Richard Paffraet, 1481)». Иезуитом Йоханнесом Майором этот сборник был дополнен 160 новыми примерами и напечатан в 1605 г. [Alzheimer, 1971]. По структуре и содержанию текст из книги Майора идентичен старопольской версии, положенной в основу русского перевода.

Легенда о Богоносце была органичным явлением западнохристианской письменной культуры, в которой на латинском и народных языках бытовали сюжеты об отметинах на сердце. Франциск Ассизский († 1226) носил в сердце «язвы Иисусовы», а некий монах Вольфанд – распятие с надписью «Будь славлен Иисус Христос»; сердце одного клирика вмещало Младенца Христа, а сердце другого священника было отмечено знаком креста; на сердечных мышцах храброго рыцаря и его девушки читались надписи о любви к Христу.

Мотив отметин на сердце святого в виде символов страстей Господних встречаем в житиях доминиканской терцианки Екатерины Сиенской († 1380) и св. Филиппа Нери († 1595). В проповеди, посвященной апп. Петру и Павлу, в приложении к книге Иоанникия Галатовского «Ключ разумения» (Киев, 1659), изданном в типографии Киево-Печерской лавры в 1660 г., перечислены примеры священных отметин в сердцах христианских мучеников. Кроме Игнатия Богоносца упомянуты блж. Маргарита из Читта ди Кастелло († 1320), в сердце которой хранилась жемчужина с изображением святого семейства, и св. Клара из Монтефалько († 1291), носившая в груди орудия страстей Господних (л. 36 – 36 об.).

Благодаря богословию сердца и духовному опыту отцов христианской церкви на католическом Западе веками культивировались визуальные образы сердца: книга как сердце, герб с сердцевым щитом, текст в виде сердца, образ сердца в книжной миниатюре, в живописи и графике, скульптуре и украшениях.

Как известно, самостоятельный и особо почитаемый образ сердца не был характерен для средневековой восточной христианской культуры, а повествования о сердце со священными отметинами вообще не встречаются в древнерусской литературе, несмотря на то что концепт «сердце» принадлежит к основным мировоззренческим категориям православия. Однако можно привести ряд примеров заимствования русской культурой нового времени отдельных «визуализированных» вариантов изображения сердца, которые подчеркивали его значение как вместилища Бога и Его учения. К тенденции фигурного оформления текста в виде сердца первым в России, как известно, обратился Симеон Полоцкий (1629–1680). Пронзенное стрелой сердце украшает герб свт. Димитрия Ростовского (1651–1709). Панагия в форме сердца была в личном употреблении патр. Никона (1605–1681). Образ «плотных скрижалей сердца», известный по украинской книжной гравюре XVII в., осмыслен им в духе православной традиции и использован в иконографическом убранстве Воскресенского собора Ново-Иерусалимского монастыря. К объяснению этих немногочисленных примеров заимствования в православной культуре символа сердца можно отнести слова архим. Иннокентия (Гизеля) о новом в богословии: если оно «с вѣрою Православною соглашается и полезно есть к созиданию, того ради презиратися не имать» [Довга, 2007, с. 214]. Однако образ сердца с божественными отметинами символом православной веры не стал.

Легенда о сердце Игнатия Богоносца и гимнография святому

Имя Игнатия, свт. Антиохийского, вошло в число имен первых христианских мучеников, чтившихся Церковью изначально как принявших смерть во имя Христа. Почитание св. Игнатия христианами началось уже во II в., упоминание о нем было включено в поместные месяцесловы в VIII–XI вв. [Скабалланович, 2004, с. 51, 328, 333], а в IX столетии вошло в Типикон Великой Константинопольской Церкви [Красносельцев, 1892, с. 9–16]. Один из ранних восточно-западных канонарей, принадлежащих Синайской библиотеке, текст которого издан по рукописям IX–X вв. А. Антониным, содержит указание на празднование свт. Игнатию 20 декабря и 29 января [Антонин, 1874, с. 215]. Эта традиция двойного почитания святого сохраняется в типиконах, по составу синаксарной части, богослужебному строю и порядку тяготеющих к восточным византийским уставам; но 20 декабря, в день кончины Богоносца, последование соединяется со службой предпразднества Рождества Христова.

Память свт. Игнатия вошла в число праздников, образующих так называемое «литургическое ядро» (термин О. В. Лосевой) месяцеслова, сформированное в богослужебной практике Константинопольского патриархата и перешедшее в древнерусские календари [Лосева, 2001, с. 34–35, 228].

Краткие сведения о мученической кончине Игнатия Богоносца содержали тексты славянских служебных Миней, известные в России по рукописям VIII–XIV вв. [Сергий (Спасский), 1875, с. 4, 8, 13, 20, 23, 28, 59]. Имена гимнографов, чьими песнопениями по сей день прославляется свт. Игнатий, известны: это свт. Андрей Критский († 740), св. Феодор Студит († 826), Анатолий Студит, еп. Солунский († IX) и Андрей Пирр, которого отождествляют с Андреем Критским; в древних рукописях есть и другие песнопения святому [Афанасий (Евтич) и др., 2009, с. 145].

Гимнографические тексты, посвященные свт. Игнатию и соединенные со службой предпразднества Рождества Христова, известны нам по двум «полярным» источникам: пергаменной рукописи русской служебной Минеи XII в. – *Син162*³, и печатному экземпляру богослужебной Минеи (М., 1620), подготовленной по греческим источникам [Крылов, 2009, с. 140, 285–291]. Богослужебные тексты об Антиохийском святителе играли особую роль в формировании православного менталитета. Гимны способствовали соборному сопереживанию в литургической реальности событиям христианской истории первых ее веков, помогали приобщиться к духовному опыту свт. Игнатия и понять его учение о Христе. Мученический подвиг Игнатия, как и духовный облик святого, охарактеризован с помощью традиционных метафор и сравнений: «якоже губа, воды от бездны просвѣщению напився»; «твердыя и адамантския твоя душа»; «образ священнаго страдания <...> столп терпѣния и правило мужества, и столп Церкви, и вѣрѣ утверждение, и добродѣли образ»; «уяснил еси зарю страдания твоих землю <...> обтек бо, якоже солнце, лучами мучения» (*Син162*, л. 306 об., 308, 314 об.).

По образу жизни св. Игнатий Богоносец подобен апостолам («и нравом причастник и престолом намѣстник апостолом быв» – *Син162*, л. 309); рассылая по дороге на казнь епистолии для утверждения «вся во исповѣдание», он повторяет

³ Тексты гимнов свт. Игнатию изучались нами по ркп, размещенной в электронном каталоге коллекции рукописей и старопечатных книг ГИМ на сайте Музея: URL: <http://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/178177?fund=21&index=31> (дата обращения 28.02.2026).

действия ап. Павла, писавшего послания из заключения в Риме и во время миссионерских путешествий («Павловѣм подобяся иже по мѣстох бѣдам, Игнатие, и сый связник, не обленился еси, утвержая писанми частыми Церкви Христовы» – *Син162*, л. 313 об.).

Восхваляя подвиг св. Игнатия, гимнографы избегают темы сердца. В канонах и стихирах, звучащих в день памяти святого, содержание прозвища «Богоносец» раскрыто в двух направлениях – в детстве «объятого руками» Христа и в смерти «жаждущего любовью напитаться». Источник первой трактовки прозвища, восходящей к евангельскому сюжету о смирении Христом апостолов, который во время беседы держал на руках отрока (Мф. 18: 1–6), – в житии Игнатия Богоносца авторства Симеона Метафраста (*Vita...*, 1903, col. 1269–1286, 1270]. Благодаря осмыслению подвига мученика, соединившему оба значения именованного «Богоносец», в гимнографии создан образ св. Игнатия – избранника Бога, до последнего вдоха сохранившего верность Тому, кого в посланиях называл совершенным и новым человеком.

Легенда о сердце Игнатия Богоносца и житие святого

В «примере» из ВелЗ есть ссылка на житие Игнатия Богоносца: «Чтемь в житии святого Игнатия». Но были ли знакомы агиографические источники с легендой о сердце с золотой монограммой имени Христа?

Житие святителя, имеющее в рукописной традиции название «Мучение», известно по славянским четьи-минейным сводам, переведенным с греческих минологиев в разное время. Дометафрастовский комплект миней, как известно, был переведен болгароязычными монахами в Студийском монастыре в Константинополе в XII в. и послужил одним из источников Великих Миней Четых (далее – ВМЧ) [Афиногенов, 2006, с. 271, 274–279, 281]. Перевод переработанных Симеоном Метафрастом греческих житий был предпринят в XIII–XIV вв., однако православный славянский мир знал сочинения византийского агиографа уже XI–XII вв. [Кенанов, 1996, с. 670–673].

В домакариевский период одновременно бытовали славянская и Метафрастовская Миней. Значительная часть переведенных житий стала известна на Руси в их составе. Среди самых известных, встречающихся в четьи и других сборниках не менее пяти раз, О. В. Творогов называл житие Игнатия Богоносца. «Мучение» свт. Игнатия в составе славянских рукописных четьи миней на декабрь известно на Руси по довольно поздним манускриптам – XV–XVI вв. [Творогов, 2008, с. 61]. Д. Е. Афиногенов установил, что самая ранняя рукопись Миней, сохранившая дометафрастовский свод, происходит из Иосифо-Волоколамского монастыря и датируется посл. четв. XV в. В указанной исследователем рукописи *Вол.195(593)* житие святого Игнатия (л. 209 об. – 216 об.) является, следовательно, самым ранним русским списком дометафрастовского повествования о нем.

Греческое житие Антиохийского святителя встречается практически во всех Минейх XVI в. – мы обратились к наиболее полному собранию агиографических текстов, по мнению архиеп. Сергия (Спасского), – *МДА90*, л. 381 об. – 389, а также к Успенскому и Царскому комплектам ВМЧ (*Син177* и *Син989*) и к испытывавшему влияние свода Милютинской Минее сер. XVII в. (*Син800*, л. 1108–1121 об.).

Что представляет собой житие-«мучение» св. Игнатия Богоносца? Сравнительно недавно был издан переработанный труд прот. Петра Преображенского (2008) о писаниях святых отцов апостольских времен. Среди источников – «Мученичество» св. Игнатия Богоносца в двух редакциях – Антиохийской и Римской. Мученические акты неоднократно привлекали внимание западных и отечественных историков XIX в., издавались и комментировались в защиту их подлинности, однако единственным ученым, подробно изучившим корпус всех материалов и текстов, связанных со св. Игнатием, и сделавшим вывод об отсутствии в этих актах исторической ценности, был английский патролог Лайтфут [Lightfoot, 1889, p. 1–430]. Созданные анонимными компиляторами в IV–VI вв. в жанре христианской апологии, эти редакции порой противоречат друг другу, не связаны происхождением, но обе (по отдельности или в микшированном виде) легли в основу всех известных текстов «мучения» Игнатия Богоносца.

Сравнив русскоязычные тексты жития Игнатия Богоносца в указанных нами минейных сборниках XV–XVII вв. с изданием вариантов «Мученичества», мы обнаружили, что они воспроизводят Антиохийскую редакцию актов, совпадая с ней по содержанию. Пословное сличение рукописных источников позволило выделить два типа текста «мучения», внутри которых обнаруживается не только композиционная и содержательная близость, но и текстуальная идентичность: с одной стороны, в сводах ВМЧ, с другой – в остальных Минеях. Анализируя списки минейного жития Богоносца, мы обратили внимание и на то, что, в отличие от гимнографии, в нем лишь один раз употреблена лексема «сердце», которая синонимична слову «перси», обозначающему место локализации в теле христианина любви к Богу. В описании казни свт. Игнатия образа сердца нет.

Принимая во внимание отмеченные особенности Антиохийской редакции актов, можно заключить, что отсылка в «примере» ВелЗ к житию святого может быть понята двояко. Во-первых, как обращение к первоисточнику, в котором было объяснено появление легенды о монограмме с именем Иисуса Христа на сердце святого. Во-вторых, как «общее» место, агиографический топос: апелляция к авторитетному источнику превращала предание о сердце мученика в церковно-историческую истину, в событие, имевшее место в реальности, а декларируемая зависимость от канонического повествования о широко почитаемом христианском первомученике придавала сказанию официальный статус.

Проложные жития Игнатия Антиохийского и легенда о сердце святого

Помимо обширного жития-«мучения» свт. Игнатия в составе ВМЧ под 20 декабря помещены два кратких изложения его кончины на арене цирка.

Структуру ВМЧ, как известно, определил Пролог, дополненный в Макариевском своде минейными житиями и гомилетическими произведениями. Время возникновения русского Пролога на основе византийского Синаксаря, славянский перевод которого был осуществлен в кон. XI – нач. XII в., исследователи определяют XII–XIII вв. Славянский перевод проложной статьи об Игнатии Богоносце, вошедшей в краткую и пространную редакции Пролога за сентябрьскую половину года и названный в древнейшей рукописи русского Пролога *Соф1324*, л. 1–160 «Страстью», имеет источником греческий оригинал, наиболее близкие соответст-

вия с которым, как установила Л. В. Прокопенко [2010, с. 252], обнаруживают тексты рукописи Синаксаря из Ватиканской библиотеки, Минология императора Василия II († 1025) и древнего греческого Синаксаря по публикации Делеэ (Delehaue, 1902, р. 329–330). «Страсть» св. Игнатия вошла в ВМЧ в пространной редакции, восходящей к Прологу в рукописи *Син247* [Прокопенко, 2010, с. 159, 160]. Эта же статья, как мы установили, использована и старцем Германом Тулуповым.

Мы провели пословное сравнение «Страсти» свт. Игнатия в составе обыкновенного Пролога и в изданиях древних текстов на греческом (у Делеэ) и латинском языках (Ughelli, 1659, s. 1165). Исследование показало, что предшествующие русской проложной статье материалы содержат не отраженные в ней детали. Например, в Синаксаре по публикации Делеэ есть упоминание о Поликарпе, еп. Смирнском и вставлена евангельская легенда об отроке на руках Христа.

Мы заметили и общую для проложных житий свщмч. Игнатия деталь – отсутствие лексемы «сердце» в описании его мученической кончины. В русских списках тема жертвенности святого получила развитие благодаря небольшому вставному фрагменту, характеризующему духовное состояние святителя накануне казни: «И святыи же Игнатии благодарно терпяше, и ничтоже зла въздаяше: бѣ бо тих и кроток, смѣрен, безлюбив, правдив, честен, непорочен, огрѣбаяся от всякыя злы вещи, непрестанно тружаяся постом, Бога моля» (*Син247*, л. 186–186 об.). Содержание включения, несмотря на традиционные для агиографии метафоры, усиливало в отечественной традиции почитания святого тему добровольного страдания.

Второе краткое житие Игнатия Богоносца в ВМЧ не имеет собственного названия, начинается с указания на день памяти святого и текстом стиха, что свидетельствует о богослужебном характере его употребления. Эта статья вошла в не менее распространенный на Руси, чем обычный Пролог, сборник житий и учительных статей – стихной Пролог.

Стишной Пролог переведен с греческого языка, имел устойчивое содержание и попал на Русь не ранее посл. четв. XIV столетия. Современные исследователи выделяют три годовых комплекта сборника, именуемые по происхождению и первоначально, как принято считать, ограниченные «монастырским обиходом» – Троицкий, Хутынский и Спасо-Каменский. Наиболее изученным по составу и обоснованным по региональным особенностям является Троицкий комплект, представленный двумя редакциями – ранней, рубежа 20–30-х гг. XV в. – *ТрС715*, *717*, *720*, и поздней, кон. 1520-х гг. – *ТрС716*, *718*, *721* [Щеглова, 2015; Турилов, 2006, с. 70–74].

Проведя пословное сравнение статьи о свт. Игнатии в обеих редакциях Троицкого комплекта в томах за месяцы с ноября по март, Успенском и Царском списках ВМЧ, печатном Прологе (по восьми изданиям 1641–1696 гг.), мы обнаружили, что ее текст (имея минимальные лексические расхождения и небольшие гаплографические пропуски) устойчиво сохраняется как в рукописях, так и в книгах. Сопровождающие статью стихи в изданиях исчезают, что определяется общей тенденцией редакторской правки печатного Пролога по пути превращения его в более «русский» по структуре, составу и языку. Кратко излагая основные события жизни свт. Игнатия, статья стихного Пролога при описании его казни ни в греческом прототипе, ни в русском переводе не использует слово «сердце».

Таким образом, в XVII в. в России бытовал агиологический нарратив, посвященный свт. Игнатию Богоносцу, включавший богослужебные тесты, опубликованные уже в первом издании служебных Миней в соединении со службой предпразднества Рождества Христова; три жития: обширное минейное, дометафрастовское с богатой русской рукописной традицией и два кратких, проложных, одно из которых включено в печатный Пролог XVII в. Ни один из этих источников при описании мученической кончины Антиохийского святителя не касался темы его сердца с золотой монограммой имени Иисуса Христа. Лексема «сердце» не употреблялась авторами, переводчиками и издателями в эпизоде о казни мученика. Этимология имени «Богоносец» раскрывалась в двух традиционных направлениях: «носимый Богом» и «носящий Бога в груди» – не в рационально-натуралистическом, а в духовно-мистическом смысле.

В первом переводе ВелЗ русский читатель познакомился с преданием о мученической смерти Игнатия Богоносца, где образ сердца, буквальный и схематичный, зрительно представляемый благодаря фиксации манипуляций с мышцей, служил наглядным объяснением мистического единения человека с Богом. Во втор. пол. XVII в. в России из-за умножившихся культурных контактов с латинским Западом (в том числе через посредство киево-могилянских интеллектуалов) возросла значимость рационального познания, строгости мысли и четкости выражения, что привело к усилению значения разума. Обращение переводчиков ВелЗ к «примеру» о сердце Игнатия Богоносца не было случайным. Христианская духовность Средневековья и Нового времени была пронизана мистикой сердца, истоки которой исследователи видят в творениях прп. Макария Египетского и Симеона Месопотамского. «Если сердце возделывает всегда Бога, то Бог есть Господь сердца его. <...> в сердце есть какая-то безпредельная глубина; есть там и пиршественные горницы, и опочивальни, и двери, и преддверия, и многие службы, и выходы; <...> там есть змии, там есть львы, там есть ядоносные звери, там все сокровища порока, там пути негладкие и стропотные, там пропасти; но там также и Бог, там Ангелы, там жизнь и царство, там свет и Апостолы, там сокровища благодати, там есть все>», – учил прп. Макарий (2004, с. 238, 119, 240). Образ сердца разработан святыми отцами одновременно в соответствии с библейскими представлениями и стоической философией; этот синтез в метафорическо-аллегорических формулировках выразился, по словам отца Иоанна Мейендорфа, в виде «материальных» представлений о духовном.

Визуализированный образ сердца из ВелЗ не противоречил христианской традиции, однако православному менталитету, возвращенному на аскетической святоотеческой антропологии сердца, где духовное ношение Бога в груди понималось как акт умозрительный и таинственный, был чужд. Поэтому отдельного внимания заслуживает попытка митр. Димитрия Ростовского адаптировать обладающий визуализированной телесностью образ сердца к умозрительному мировосприятию, объяснить Богоношение как Богоощущение «Богомысленным умом» и сделать предание о золотых литерах на сердечной мышце Антиохийского святителя частью русской культуры.

Сказание о сердце св. Игнатия Богоносца в Четьх Минях свт. Димитрия Ростовского

В конце XVII в. отечественный читатель познакомился с двумя новыми версиями известных ему повествований о св. Игнатии – Метафрастовским житием святителя и сказанием о золотых литерах на сердце Игнатия, обработанном ростовским владыкой: небольшая статья (без названия) была включена во 2-й том Четых Миней свт. Димитрия Ростовского (далее – ЧМДР) после жития святого. Приведем этот текст, обратив внимание на ряд аспектов.

О сем святом Игнатии Богоносци нѣции повѣствуют и сие: яко егда на снѣдение звѣрем ведяшеся, и непрестанно имя Исус Христово в устнѣх имѣяше, вопросиша его нечестивыи: почто имя то непрестанно усты воспоминает? Отвѣща святыи, яко «имат в сердци своем имя Исуса Христа написано, усты убо Того исповѣдует, егоже в сердци выну носит». Посем снѣденну бывшу святому от звѣрей. При оставших его костех Божиим изволением соблюдеся сердце цѣло, звѣрми неснѣденно, еже невѣрнии обрѣтше и, словеса святого Игнатиа воспомянувшѣ, разрѣзаша сердце то посреде надвое, хотяще увѣдати, истинно ли есть глаголанное от него. И обрѣтоша внутр на обою страну разрѣзаннаго сердца златыми писмены написано «Исус Христос». Тако святыи Игнатий именем и вещь бысть Богоносец, нося в сердци своем выну Христа Бога, богомыслным умом аки тростию написаннаго (Страдание..., 1695, л. 211 об.).

«Страдание» – так названо житие Игнатия Богоносца в ЧМДР – представляет собой переработанную Симеоном Метафрастом Антиохийскую редакцию мученических актов. Проведенное нами сравнение «страдания» с дометафрастовским житием священномученика, обеими редакциями актов и текстом жития [Vita..., 1903, col. 1269–1286] позволило увидеть направления работы византийского писателя и ростовского владыки. Кратко их охарактеризуем.

Сопоставление актов с Метафрастовским житием на уровне разночтений (лексических и фразеологических) проведено еще в XIX в. [Lightfoot, 1889, p. 596–598]. Мы же выявили эпизоды, отсутствующие в Антиохийской редакции. Их оказалось шесть: два уточнения о том, что Игнатий занял святительскую кафедру после ап. Евода, сменившего ап. Петра, и о том, что Траян, услышав об Игнатии, который проповедует Евангелие, сам призвал его к себе; два фрагмента разбавили диалог между Игнатием и Траяном: первый о побуждении императором святого принести жертву языческому богу Дию, второй – пламенная речь Игнатия о значении смерти Христа и бессмертии языческих богов; еще два эпизода – в заключительной части жития: обращение Игнатия к римскому народу, жаждущему расправы с Богоносцем, и о распоряжении Траяна, пораженного стойкостью священномученика, прекратить преследования христиан.

Дометафрастовское житие Игнатия Богоносца, воспроизводящее Антиохийскую редакцию, по сравнению с Метафрастовской редакцией, обработавшей оба варианта актов и дополненной заимствованиями из других источников, проигрывало в содержании и объеме. Особенностью свода житий ростовского святителя была ориентация на подачу конкретных фактов жизни святых, обработанных литературно. Димитрий Ростовский, как заметила М. А. Федотова [2012], стремился дать как можно больше информации о герое повествования, поэтому привлекал широкий круг источников. Подобная работа превращала ЧМДР в один из «конфессиональных» сборников, значимость которого, по словам А. О. Крылова [2014,

с. 171–172], определялась важнейшей задачей укоренения православного вероучения и преемственности православной Церкви с древней Церковью.

Эта задача объясняет и особенности правки, которую ростовский владыка внес в Метафрастовский текст и сказание о сердце св. Игнатия. Самое значительное дополнение – о вкладе святителя в становление традиции церковного песнопения. В начале жития сказано о том, что Игнатий ввел в Антиохийской Церкви антифонное пение, и пересказано видение святому поющих ангелов.

Еще одно дополнение – о сердце епископа: «Не мнѣ же и сего ради, яко и он ношаше Бога в сердцѣ своем и во устах – сосуд сый подобен сосуду избранному Павлу, пронести имя Божие пред языки и цари». Содержание фразы отправляет не только к Антиохийской редакции «мученичества» Игнатия, но и к сказанию о нем, в которое митрополит Димитрий внес корректировку. Вместо сообщения о том, что все увидевшие золотую монограмму имени Христа в сердце мученика приняли крещение, завершающего сказание в ВелЗ, владыка вставил фразу: «Тако святыи Игнатий именем и вещью бысть Богоносец, нося в сердци своем выну Христа Бога, богомыслным умом аки тростию написаннаго». Ее первая часть связывает темой Богоношения сказание со «страданием», начинающимся теми же словами «Бѣ Антиохийстѣй церкви епископ святыи Игнатий проименованием и вещью Богоносец», и делает предание о сердце мученика частью жития святого, дополняющей его новыми деталями (Страдание..., 1695, л. 207, 211 об., 206 об.). Вторая часть фразы о «трости» как орудии «богомысленного ума» представляет собой попытку примирить материально-телесное и видимое «умными очами» и объяснить символику сердца как средоточия веры и место ума.

К толкованию ума как одной из ипостасей бытия духа в человеке, гнездящейся именно в сердце, Димитрий Ростовский обратился в проповеди «Внутренний человек». Анализируя это сочинение, Л. Б. Сукина, пишет, что святитель видел назначение «умной молитвы» в побуждении христианина заниматься постоянным самовоспитанием духа, которое формирует в нем того самого «внутреннего человека» [Сукина, 2008, с. 39]. Образ сердца, принадлежащий Богу, соответствовал представлениям Димитрия Ростовского о «негласности, таинственности всего того, что в человеке устремлено к свершению истинной добродетели» [Нехлебаева, 2003, с. 13–14]. Эти идеи проповедника отразились в его литературном и богословском творчестве в разные периоды. Так, в одной из проповедей этимологию «Богоумного» Богоношения свт. Димитрий Ростовский раскрыл при помощи евангельской метафоры, олицетворяющей Христа и Его учение: «О сердце Христианское, сердце строптивное, развращенное, ожесточенное, окамененное! есть ли в тебе Бог? носиши ли в тебе Бога? насаждается ли в тебе лоза истинная виноградная Христос?.. Не между разумными, но между глупыми почитай и того, иже в сердце своем вместо лозы Христа, хврастие страстей и грехолюбия насаждает, и родит вместо гроздов терние» (1840, с. 471–472). Такая интерпретация символа сердца по образному наполнению отчасти близка к эмблематическим миниатюрам киевских и львовских изданий сер. – втор. пол. XVII в., где сердце выступало метафорой слова (учения) Божия, начертанного на мышце.

Литературное творчество Димитрия Ростовского пришлось на переходный период российской истории и культуры. Будучи носителем традиционного восточно-христианского богословского сознания, он сочетал в своем мировоззрении традиции Востока и Запада христианской Европы, поэтому находил способы объ-

яснить и примирить охватившие на рубеже XVII–XVIII вв. духовную жизнь России процессы и интерполировать в православную конфессиональную культуру идеи западного христианства, способные ее укрепить.

Использовал ли Димитрий Ростовский в качестве источника свода житий святых или других своих сочинений сборник ВелЗ, мы не знаем. Исследователи, в разное время изучавшие историю создания ЧМДР, выявили круг греческих, латинских, польских и церковнославянских источников, которые владыка привлекал к работе. «Базовым» материалом для писателя служили церковнославянские книги – ВМЧ, Милютинские Минеи, Киево-Печерский патерик и Пролог 1685 г. издания [Федотова и др., 2007, с. 13]. Возможно, со временем станет известно и об обращении святителя к сборнику ВелЗ, лишь в 1706 г. пополнившему его библиотеку [Янковская, 2011, с. 22, 26].

Особенностью применения писателем источникового материала является использование греческой агиографии по латинским переводам из западных житийных сборников. Сохраняя верность православию, митрополит при их обозначении избегал имен западных писателей и компиляторов, неизвестных православной Церкви, и указывал только греческие тексты [Державин, 2008, с. 95, 100–101]. Об источниках же дополнительных статей можно узнать из рабочих материалов, предшествовавших изданию, – рукописей с пометами самого владыки или писцов, готовивших тексты к печати (эти книги выявлены и подробно охарактеризованы). Однако о прототипе предания о сердце Игнатия Богоносца не сообщается ни в печатном экземпляре, ни в рукописном сборнике житий за декабрь, хранящемся в РНБ и изученном сначала А. А. Крумингом [1994, с. 23–25], который назвал эту рукопись белой копией допечатного текста, затем М. А. Федотовой, которая перечислила имеющиеся в книге указания на источники, отсутствующие в издании. Изучив пометы в рукописи, исследовательница обнаружила, что после 12 декабря писец перестал их ставить, следовательно, под 20 декабря, где помещено краткое повествование о Богоносце, указаний на источники минейных статей нет [Федотова, 2012, с. 127–128].

Краткое повествование о сердечной мышце Богоносца в составе ЧМДР, примиряя западное и восточное понимание символа, переводило визуализированный образ сердца из телесной, физически осязаемой сферы в духовную, познаваемую «внутренними очами» и «богомысленно». В трактовке Димитрия Ростовского, продолжившего заложенную патриархом Никоном традицию переосмысления в русле православной традиции западных образов, сердце Игнатия Богоносца с золотой монограммой имени Иисуса Христа, олицетворяя идею Боговоплощения, становилось одновременно символом Христа и «клетью» молитвы Богу.

Заключение

Благодаря обширной рукописной истории сборника ВелЗ предание о сердце Игнатия Богоносца дополнило жития епископа и литургические тексты новыми деталями мученической кончины святого, скорректировав этимологию прозвища «Богоносец». Предание о сердце с золотой монограммой имени Христа, согласно описям книжных собраний, было известно русскому духовенству – от высших иерархов до простых священников. Метафорический образ сердца Богоносца использовали в своих проповедях митр. Московский и Коломенский Филарет

(Дроздов; † 1867) и свт. Игнатий (Брянчанинов; † 1867). Легенда стала предметом литературных обработок духовной писательницы монахини Варвары (Сухановой; † 1972), вдохновила православного литератора Алину Сергейчук и поэта отца Романа (Матюшина-Правдина). Образ сердца антиохийского мученика как «агиографическая метафора» (термин М. Вайскопфа) использован сибирским писателем А. П. Степановым в романе «Постоялый двор. Записки покойного Горянова, изданные его другом Н. П. Маловым» (СПб., 1835) и В. В. Маяковским в поэме «Владимир Ильич Ленин» (1924) применительно к вождю.

Сказание об Игнатии Богоносце с золотой монограммой имени Христа на сердце, обогатив агиологический нарратив об Антиохийском епископе «сердечной» проблематикой, стало ключевым для глубокого осмысления мученического подвига святого и понимания христологии святителя. Благодаря интерпретации Дмитрием Ростовским легенды о Богоносце в православной кардиогности закрепился укорененный в Священном Писании и святоотеческих учениях образ сердца как символ Христа, веры и глубокой молитвы. После издания повествования о сердце св. Игнатия в составе сборника свт. Димитрия оно вошло в комплекс агиологических текстов об Антиохийском епископе и в соединении с ними помогло осознать декларируемое первоапостольским богословом отождествление христианина с Богоносцем в широком экклезиологическом смысле, что позволило трактовать образ сердца, отмеченный Богом, как символ искренней веры и Христоношения.

Список сокращений

- ГИМ – Государственный исторический музей (Москва)
ГПНТБ – Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН (Новосибирск)
МДА – Московская духовная академия
РГБ НИОР – Российская государственная библиотека, Научно-исследовательский отдел рукописей (Москва)
PG – *Jacques Paul Migne. Patrologiae cursus completus [Series Graeca]: ... omnium ss. patrum, doctorum, scriptorumque ecclesiasticorum sive Latinorum sive Graecorum...*

Список литературы

- Антонин А.* Древний Канонарь синайской библиотеки // Тр. Киев. дух. академии. 1874: май, июнь. С. 189–194, 195–216, 458–497.
Афанасий (Евтич), еп., Муравьев А. В., Ткаченко А. А., Макаров Е. Е., Э. В. Ш. Игнатий Богоносец // Правосл. энцикл. М.: ЦНЦ ПЭ, 2009. Т. 21. С. 138–141.
Афиногенов Д. Е. Новгородское переводное четье-минеинное собрание: происхождение, состав, греческий оригинал // *Abhandlungen Zu den Grossen Lesemenäen des Metropoliten Makarij. Kodickologische, Miszellenologische und Textologische Untersuchungen.* Weiher-Freiburg i. Br., 2006. Т. 2. С. 261–283.
Брент А. Игнатий Антиохийский. Епископ-мученик и происхождение епископата: Пер. с англ. М.: ББИ, 2012. 188 с.

Виноградов А. Ю. Два отечественных введения в агиографию // Богосл. тр. 2012. Т. 43–44. С. 594–621.

Владимиров В. П. Великое Зерцало (Из истории русской переводной литературы XVII века). М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1884. XIV, 106, 79 с.

Державин А. М. Радуют верных сердца: Четии-Минеи Димитрия, митрополита Ростовского, как церковно-исторический и литературный памятник. М.: ИИПК ИХТИОС, 2008. Ч. 2. 383 с.

Державина О. А. Великое Зерцало и его судьба на русской почве. М.: Наука, 1965. 437 с.

Довга Л. М. Трансформация православной антропологии в трактате Иннокентия Гизеля «Мир с Богом человеку» // Человек в культуре русского барокко: Сб. ст. по материалам междунар. конф. Москва, 28–30 сентября 2006 г. М.: ИФ РАН, 2007. С. 208–215.

Кенанов Д. Симеон Метафраст и его славянские последователи // ТОДРЛ. СПб.: Дм. Буланин, 1996. С. 668–676.

Красносельцев Н. Ф. Типик церкви св. Софии в Константинополе (IX в.). Одесса: Тип. Штаба Одес. воен. окр., 1892. 101 с.

Круминг А. А. Четьи Минеи святого Димитрия Ростовского: очерк истории издания // Филевские чтения. Вып. 9: Святитель Димитрий, митрополит Ростовский: Исследования и материалы. М., 1994. С. 5–52.

Крылов Георгий, прот. Книжная справа XVII века. Богослужбные Минеи. М.: Индрик, 2009. 493 с.

Лосева О. В. Русские месяцесловы XI–XIV веков. М.: Памятники ист. мысли, 2001. 420 с.

Нехлебаева Н. А. Творчество Димитрия Ростовского в контексте русских литературных представлений о «внутреннем человеке» конца XVII – начала XVIII столетия: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2003. 24 с.

Николаев С. И. Польско-русские литературные связи XVI–XVIII вв.: Библиографические материалы. СПб.: Нестор-История, 2008. 248 с.

Прокопенко Л. В. Состав и источники Пролога за сентябрьскую половину года по спискам XII – начала XV в. // Лингвистическое источниковедение и история русского языка 2006–2009: Сб. ст. М.: Древлехранилище, 2010. С. 159–312.

Сергий (Спасский), архим. Полный месяцеслов Востока. М.: Тип. Совр. известий, 1875. Т. 1. 565 с.

Скабалланович М. Н. Толковый Типикон. М.: Сретенский мон., 2004. 443 с.

Сукина Л. Б. Митрополит Димитрий Ростовский и его сочинение «Внутренний человек» // История и культура Ростовской земли. 2007. Ростов, 2008. С. 33–42.

Творогов О. В. Переводные жития в русской книжности XI–XV веков: Каталог. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2008. 141 с.

Турилов А. А. К истории Стишного пролога на Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2006. № 1 (23). С. 70–75.

Федотова М. А., Турилов А. А., Зеленина Я. Э. Димитрий // Правосл. энцикл. М.: ЦНЦ ПЭ, 2007. Т. 15. С. 8–30.

Федотова М. А. К истории Четвх Миней Димитрия Ростовского: рукописные материалы // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, № 12. С. 123–133.

Щеглова О. С. О Троице-Сергиевской редакции Стишного пролога // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, № 2. С. 74–81.

Янковская Л. А. Уникальные и редкие полоники в библиотеке св. Димитрия Ростовского // История и культура Ростовской земли. 2010. Ростов, 2011. С. 16–27.

Яцък С. А. Представления о святости в официальной католической мысли второй половины XIII века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2016. 34 с.

Alzheimer R. Das Magnum Speculum exemplorum als Ausgangspunkt populärer Erzähltraditionen. Studien zu seiner Wirkungsgeschichte in Polen und Russland. Bern; Frankfurt am Main: Peter Lang Verlag, 1971. 247 S.

Lightfoot J. B., bishop of Durham. The Apostolic Fathers. Vol. 1, Pt. 2. London, New York, Macmillan and Co, 1889. 203 p.

Список источников

Рукописи

Барс517 – ГИМ, Собр. Е. В. Барсова, № 517, ВелЗ, посл. четв. XVII в.

Вол195(593) – РГБ НИОР, Собр. рукописных книг Иосифо-Волоцкого монастыря (Ф. 113), № 195(593), Минея четья на декабрь–январь, рубеж XV–XVI вв.

Егор1643 – РГБ НИОР, Собр. Егорова (Ф. 98), № 1643, ВелЗ, кон. XVII в.

Егор1988 – РГБ НИОР, Собр. Егорова (Ф. 98), № 1988, ВелЗ, XVIII в.

МДА90 – РГБ НИОР, Фундаментальное собр. библиотеки МДА (Ф. 173.1), № 90, Минея четья на декабрь, XVI в.

Муз3161 – РГБ НИОР, Музейное собр. (Ф. 178), № 3161, ВелЗ, посл. четв. XIX в.

Сим60 – ГИМ, Симоновское собр., № 60, ВелЗ, нач. XVIII в.

Син100 – ГИМ, Синодальное собр., № 100, ВелЗ, кон. XVII в.

Син101 – ГИМ. Синодальное собр., № 101. ВелЗ, кон. XVII в.

Син162 – ГИМ, Синодальное собр., № 162, Службная Минея на декабрь, XII в.

Син177 – ГИМ, Синодальное собр., № 177, ВМЧ на декабрь, сер. XVI в.

Син247 – ГИМ, Синодальное собр., № 247, Пролог, сентябрь – февраль, втор. пол. XIV в.

Син800 – ГИМ, Синодальное собр., № 800, Минеи-четьи Иоанна Милутина на декабрь, сер. XVII в.

Син989 – ГИМ, Синодальное собр., № 989, ВМЧ на декабрь, перв. треть XVI в.

Тих639 – РГБ НИОР, Собр. Н. С. Тихонравова, № 639, ВелЗ, кон. XVII в. (1684 г.).

ТрС720 – РГБ НИОР, Главное собр. библиотеки Тр.-Серг. лавры (Ф. 304.1), № 720, Пролог, с ноября по март, 1649 г.

ТрС721 – РГБ НИОР, Главное собр. библиотеки Тр.-Серг. лавры (Ф. 304.1), № 721, Пролог, с ноября по март, 1528 г.

ТрС727 – РГБ НИОР, Главное собр. библиотеки Тр.-Серг. лавры (Ф. 304.1), № 727, Пролог, сентябрьская половина, 1632 г.

Тхм316 – ГПНТБ, Собр. М. Н. Тихомирова, № 316, ВелЗ, кон. XVII в.

Ув62 – ГИМ, Собр. А. С. Уварова, № 62, ВелЗ, кон. XVII в.

Хлд50 – ГИМ, Хлудовское Д собр., № 50, ВелЗ, кон. XVII в.

Щук546 – ГИМ, Собр. П. И. Щукина, № 546, ВелЗ, кон. XVII в.

Издания

В той же день мучение святого Игнатия Богоносца // ВМЧ. М.: Синод. тип., 1907. Вып. 12: декабрь 18–23. Стб. 1578–1588.

Димитрий, митр. Ростовский. Соч. 6-е изд. М.: Синод. тип., 1840. Т. 2. 694 с.

Макарий Великий, прп. Духовные беседы, послания и слова. М.: Сретенский мон., 2004. 400 с.

Преображенский П. Писания мужей апостольских. 2-е изд. М.: Изд. совет РПЦ, 2008. 670 с.

Страдание святого священномученика Игнатия Богоносца // ЧМДР. Декабрь – январь. Киев, 1695. Л. 206 об. – 211 об.

Delehaye H. Synaxarium ecclesiae Constantinopolitanae e codice Sirmondiano nunc Berolinensi. Bruxelles: Apud Socius Bollandianos, 1902. 322 s.

Major Johannes. Magnum Speculum Exemplorum ex plus quam 60 auctoribus <...> excerptum studio Johannis Maioris. Opus a mendis vindicatum <...> per quendam patrem societatis Jesu. 2 ed. castigatior. Bellerus, 1605. 74 s.

Martyrium Ignatii Antiocheni // PG 5. Parisiis, Apud Garnier Prates, Editores et J.-P. Migne, 1894. Col. 980–988.

Ughelli F. Italia Sacra Sive De Episcopis Italiae, Et Insularum Adiacentium. VI: Complectens Metropolitanas larumque Suffraganeos Ecclesias, quae in Campaniae Felicis, Aprutii, Hirpinorumque Neapolitani Regni claris Provinciis recensentur. Romae, 1659. 522 s.

Vita S. Ignatij Deiferi // PG 114. Parisiis, Apud Garnier Prates, Editores et J.-P. Migne, 1903. Col. 1269–1286.

Wielkie Zwierciadło Przykładów... Kr.: Drukarnia Antoniego Wosińskiego, 1633. 1167 s.

References

Afanasiy (Evtich), ep., Muraviev A. V., Tkachenko A. A., Makarov E. E., E. V. Sh. Ignatij Bogonosets [Ignatius the God-Bearer]. In: Pravosl. entsikl. [Orthodox Encyclopedia]. Moscow, TsNTs PE Publ., 2009, vol. 21, pp. 138–141. (in Russ.)

Afinogenov D. E. Novgorodskoe perevodnoe chet'e-mineinoe sobranie: proiskhozhdenie, sostav, grecheskii original [Novgorod Translated Menaion Collection: Origin, Composition, and Greek Original]. In: Abhandlungen Zu den Grossen Lese-menäen des Metropoliten Makarij. Kodickologische, Miszellenologische und Textologische Untersuchungen. Weiher-Freiburg i. Br., 2006, vol. 2, pp. 261–283. (in Russ.)

Alsheimer R. Das Magnum Speculum exemplorum als Ausgangspunkt populärer Erzähltraditionen. Studien zu seiner Wirkungsgeschichte in Polen und Russland. Bern, Frankfurt am Main: Peter Lang Verlag, 1971. 247 S.

Antonin A. Drevniy Kanonar' sinayskoy biblioteki [The Ancient Canonry of the Sinai Library]. In: Tr. Kiev. dukh. Akademii [Proceedings of the Kyiv Theological Academy]. 1874: may, iyun', pp. 189–194, 195–216, 458–497. (in Russ.)

Brent Allen. Ignatij Antiokhiyskiy. Episkop-muchenik i proiskhozhdenie episkopata [Ignatius of Antioch: The Martyr Bishop and the Origin of the Episcopate]. Trans. from Eng. Moscow, BBI Publ., 2012, 188 p. (in Russ.)

Derzhavin A. M. Raduyut vernykh serdtsa: Chetii-Minei Dimitriya, mitropolita Rostovskogo, kak tserkovno-istoricheskii i literaturnyi pamyatnik [Gladden the Hearts of the Faithful: The Menaion Readings of Demetrius, Metropolitan of Rostov, as an Ecclesiastical-Historical and Literary Monument]. Moscow, IIPK IKhTIOS Publ., 2008, ch. 2, 383 p. (in Russ.)

Derzhavina O. A. Velikoe Zertsalo i ego sud'ba na russkoi pochve [The Great Mirror and Its Fate on Russian Soil]. Moscow, Nauka, 1965, 437 p. (in Russ.)

Dovga L. M. Transformatsiya pravoslavnoi antropologii v traktate Innokentiya Gizelya "Mir s Bogom cheloveku" [Transformation of Orthodox Anthropology in Innokenty Gisel's Treatise "Peace with God to Man"]. In: Chelovek v kul'ture russkogo barokko. Sb. st. po materialam mezhdunar. konferentsii. Moskva, 28–30 sentyabrya 2006 g. [Transformation of Orthodox Anthropology in Innokenty Gisel's Treatise "Peace with God to Man"]. Moscow, IF RAN Publ., 2007, pp. 208–215. (in Russ.)

Fedotova M. A. K istorii Chet'ikh Minei Dimitriya Rostovskogo: rukopisnye materialy [On the history of the Four Menaions of Dimitri of Rostov: handwritten materials]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2012, vol. 11, no. 12, pp. 123–133. (in Russ.)

Fedotova M. A., Turilov A. A., Zelenina Ya. E. Dimitriy [Dimitri]. In: Pravosl. entsikl. [Orthodox Encyclopedia]. Moscow, TsNTs PE Publ., 2007, vol. 15, pp. 8–30. (in Russ.)

Kenanov D. Simeon Metafrast i ego slavyanskie nasledovateli [Simeon Metaphrast and His Slavic Followers]. In: TODRL [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. St. Petersburg, Dm. Bulanin Publ., 1996, pp. 668–676. (in Russ.)

Krasnoseltsev N. F. Tipik tserkvi sv. Sofii v Konstantinopole (IX v.) [Typikon of the Church of St. Sophia in Constantinople (9th century)]. Odessa, Tip. Shtaba Odes. voen. okr. Publ., 1892, 101 p. (in Russ.)

Kruming A. A. Chet'i Minei svyatogo Dimitriya Rostovskogo: ocherk istorii izdaniya [The Menaion Readings of St. Demetrius of Rostov: An Essay on the History of the Publication]. In: Filevskie chteniya. Vyp. 9: Svyatitel' Dimitriy, mitropolit Rostovskiy: Issledovaniya i materialy [Fil'evskie Readings. Issue 9: St. Demetrius, Metropolitan of Rostov: Research and Materials]. Rostov, 1994, pp. 5–52. (in Russ.)

Krylov Georgiy, prot. Knizhnaya sprava XVII veka. Bogoslužebnye Minei [The Bookstore of the 17th Century. Liturgical Menaion]. Moscow, Indrik Publ., 2009, 493 p. (in Russ.)

Lightfoot J. B., bishop of Durham. The Apostolic Fathers. Vol. 1, Pt. 2. London, New York, Macmillan and Co, 1889, 203 p.

Loseva O. V. Russkie mesyatseslovy XI–XIV vekov [Russian Menologies of the 11th – 14th Centuries]. Moscow, Pamyatniki istor. Mysli Publ., 2001, 420 p. (in Russ.)

Nekhlebaeva N. A. Tvorchestvo Dimitriya Rostovskogo v kontekste russkikh literaturnykh predstavlenii o "vnutrennem cheloveke" kontsa XVII – nachala XVIII stoletiya [The Works of Dmitry of Rostov in the Context of Russian Literary Concepts of the "Inner Man" of the Late 17th – Early 18th Centuries]. Avtoref. Cand. Philol. Sci. Diss. Arkhangelsk, 2003, 24 p. (in Russ.)

Nikolaev S. I. Pol'sko-russkie literaturnye svyazi XVI–XVIII vv.: Bibliograficheskie materialy [Polish-Russian Literary Connections of the 16th – 18th Centuries: Bibliographic Materials]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2008, 248 p. (in Russ.)

Prokopenko L. V. Sostav i istochniki Prologa za sentyabr'skuyu polovinu goda po spiskam XII – nachala XV v. [The Composition and Sources of the Prologue for the September Half of the Year Based on the Lists of the 12th – Early 15th Centuries]. In: *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriya russkogo yazyka 2006–2009* [Linguistic Source Studies and History of the Russian Language 2006–2009]. Collection of Articles. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 2010, pp. 159–312. (in Russ.)

Sergiy (Spasskiy), arkhim. Polnyi mesyatseslov Vostoka [Complete Menologion of the East]. Moscow, Tip. Sovr. Izvestiy Publ., 1875, vol. 1, 565 p. (in Russ.)

Shcheglova O. S. O Troitse-Sergievskei redaktsii Stishnogo prologa [On the Trinity-Sergius Edition of the Verse Prologue]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2015, vol. 14, no. 2, pp. 74–81. (in Russ.)

Skaballanovich M. N. Tolkovyi Tipikon [Explanatory Typicon]. Moscow, Sreten'skiy mon. Publ., 2004, 443 p. (in Russ.)

Sukina L. B. Mitropolit Dimitriy Rostovskiy i ego sochinenie “Vnutrennii chelovek” [Metropolitan Demetrius of Rostov and His Work “The Inner Man”]. In: *Istoriya i kul'tura Rostovskoi zemli. 2007* [History and Culture of the Rostov Land. 2007]. Rostov, 2008, pp. 33–42. (in Russ.)

Turilov A. A. K istorii Stishnogo prologa na Rusi [On the History of the Verse Prologue in Rus']. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki* [Ancient Rus'. Questions of medieval studies], 2006, no. 1 (23), pp. 70–75. (in Russ.)

Tvorogov O. V. Perevodnye zhitiya v russkoi knizhnosti XI–XV vekov [Translated Lives of the Saints in Russian Literature of the 11th – 15th Centuries]. Catalog. Moscow, St. Petersburg, Al'yans-Arkheo Publ., 2008, 141 p. (in Russ.)

Vinogradov A. Yu. Dva otechestvennykh vvedeniya v agiografiyu [Two Russian Introductions to Hagiography]. *Bogosl. tr.* [Theological Works]. 2012, vol. 43–44, pp. 594–621. (in Russ.)

Vladimirov V. P. Velikoe Zertsalo (Iz istorii russkoy perevodnoy literatury XVII veka) [The Great Mirror (From the History of Russian Translated Literature of the 17th Century)]. Moscow, Imp. O-vo istorii i drevnostey ros. pri Mosk. un-te Publ., 1884, XIV, 106, 79 p. (in Russ.)

Yankovskaya L. A. Unikal'nye i redkie poloniki v biblioteke sv. Dimitriya Rostovskogo [Unique and Rare Poloniki in the Library of St. Demetrius of Rostov]. In: *Istoriya i kul'tura Rostovskoy zemli. 2010* [History and Culture of the Rostov Land. 2010]. Rostov, 2011, pp. 16–27. (in Russ.)

Yatsyk S. A. Predstavleniya o svyatosti v ofitsial'noi katolicheskoi mysli vtoroi poloviny XIII veka [Concepts of Holiness in Official Catholic Thought of the Second Half of the 13th Century]. Avtoref. Cand. Hist. Sci. Diss. Moscow, 2016. 34 p. (in Russ.)

List of Sources

Manuscripts

Bars517 – GIM, Sobr. E. V. Barsova, № 517, VelZ [Great Mirror], posl. chetv. XVII v. (in Russ.)

Vol195(593) – RGB NIOR, Sobr. rukopisnykh knig Iosifo-Volotskogo monastyrja (F. 113), № 195(593), Mineya chet'ya na dekabr' – yanvar' [Menaion for the December – January], rubezh XV–XVI vv. (in Russ.)

- Egor1643 – RGB NIOR, Sobr. Egorova (F. 98), № 1643, VelZ [Great Mirror], kon. XVII v. (in Russ.)
- Egor1988 – RGB NIOR, Sobr. Egorova (F. 98), № 1988, VelZ [Great Mirror], XVIII v. (in Russ.)
- MDA90 – RGB NIOR, Fundamental'noe sobr. biblioteki MDA (F. 173.I), № 90, Mineya chet'ya na dekabr' [Menaion for December], XVI v. (in Russ.)
- Muz3161 – RGB NIOR, Muzeynoe sobr. (F. 178), № 3161, VelZ [Great Mirror], posl. chetv. XIX v. (in Russ.)
- Sim60 – GIM, Simonovskoe sobr., № 60, VelZ [Great Mirror], nach. XVIII v. (in Russ.)
- Sin100 – GIM, Sinodal'noe sobr., № 100, VelZ [Great Mirror], kon. XVII v. (in Russ.)
- Sin101 – GIM. Sinodal'noe sobr., № 101. VelZ [Great Mirror]. Kon. XVII v. (in Russ.)
- Sin162 – GIM, Sinodal'noe sobr., № 162, Sluzhebnyaya Mineya na dekabr' [Service Menaion for December], XII v. (in Russ.)
- Sin177 – GIM, Sinodal'noe sobr., № 177, VMCh na dekabr' [Great Menaion Readings for December], ser. XVI v. (in Russ.)
- Sin247 – GIM, Sinodal'noe sobr., № 247, Prolog, sentyabr' – fevral' [Prologue, September – February], vtor. pol. XIV v. (in Russ.)
- Sin800 – GIM, Sinodal'noe sobr., № 800, Minei-chet'i Ioanna Milyutina na dekabr' [Menaion Readings of John Milyutin for December], ser. XVII v. (in Russ.)
- Sin989 – GIM, Sinodal'noe sobr., № 989, VMCh na dekabr' [Great Menaion Readings for December], perv. tret' XVI v. (in Russ.)
- Tikh639 – RGB NIOR, Sobr. N. S. Tikhonravova, № 639, VelZ [Great Mirror], kon. XVII v. (1684 g.). (in Russ.)
- TrS720 – RGB NIOR, Glavnoe sobr. bibl-ki Tr.-Serg. lavry (F. 304.I), № 720, Prolog, s noyabrya po mart [Prologue, from November to March], 1649 g. (in Russ.)
- TrS721 – RGB NIOR, Glavnoe sobr. bibl-ki Tr.-Serg. lavry (F. 304.I), № 721, Prolog, s noyabrya po mart [Prologue, from November to March], 1528 g. (in Russ.)
- TrS727 – RGB NIOR, Glavnoe sobr. bibl-ki Tr.-Serg. lavry (F. 304.I), № 727, Prolog, sentyabr'skaya polovina [Prologue, September half], 1632 g. (in Russ.)
- Tkhm316 – GPNTB, Sobr. M. N. Tikhomirova, № 316, VelZ [Great Mirror], kon. XVII v. (in Russ.)
- Uv62 – GIM, Sobr. A. S. Uvarova, № 62, VelZ [Great Mirror], kon. XVII v. (in Russ.)
- Khld50 – GIM, Khludovskoe D sobr., № 50, VelZ [Great Mirror], kon. XVII v. (in Russ.)
- Shchuk546 – GIM, Sobr. P. I. Shchukina, № 546, VelZ [Great Mirror], kon. XVII v. (in Russ.)

Publications

Delehaye H. Synaxarium ecclesiae Constantinopolitanae e codice Sirmondiano nunc Berolinensi. Bruxelles, Apud Socius Bollandianos, 1902, 322 s. (in Latin, Ancient Greek)

Dimitriy, mitr. Rostovskiy. Soch. [Works]. 6th ed. Moscow, Sinod. tip. Publ., 1840, vol. 2, 694 p. (in Russ.)

Литературная жизнь сюжета

Major Johannes. Magnum Speculum Exemplerum ex plus quam 60 auctoribus <...>excerptum studio Johannis Maioris. Opus a mendis vindicatum <...> per quendam patrem societatis Jesu. 2nd ed. castigatior. Bellerus, 1605, 74 s. (in Latin)

Makariy Velikiy, prp. Dukhovnye besedy, poslaniya i slova [Spiritual Conversations, Epistles, and Words]. Moscow, Sretenskiy mon. Publ., 2004, 400 p. (in Russ.)

Martyrium Ignatii Antiocheni. In: PG 5. Parisiis, Apud Garnier Prates, Editores et J.-P. Migne, 1894, col. 980–988. (in Latin)

Preobrazhenskiy P. Pisaniya muzhey apostol'skikh [Writings of the Apostolic Fathers]. 2nd ed. Moscow, Izdat. sovet RPTs Publ., 2008, 670 p. (in Russ.)

Stradanie svyatogo svyashchennomuchenika Ignatiya Bogonostsa [The Suffering of the Holy Hieromartyr Ignatius the God-Bearer]. In: ChMDR [The Menaion Reader by Demetrius of Rostov. December – January]. Dekabr' – yanvar'. Kiev, 1695, pp. 206 ob. – 211 ob. (in Russ.)

Ughelli F. Italia Sacra Sive De Episcopis Italiae, Et Insularum Adiacentium. VI: Complectens Metropolitanas Iarumque Suffraganeos Ecclesias, quae in Campania Felicis, Aprutii, Hirpinorumque Neapolitani Regni claris Provinciis recensentur. Romae, 1659, 522 s. (in Latin)

V toi zhe den' muchenie svyatogo Ignatiya Bogonostsa [On the Same Day, the Martyrdom of Saint Ignatius the God-Bearer]. In: VMCh [Great Martyrdom]. Moscow, Sinod. tip. Publ., 1907, iss. 12: dekabr' 18–23, col. 1578–1588. (in Russ.)

Vita S. Ignatij Deiferi. In: PG 114. Parisiis, Apud Garnier Prates, Editores et J.-P. Migne, 1903, col. 1269–1286. (in Latin)

Wielkie Zwierciadlo Przykładów... Kr., Drukarnia Antoniego Wosińskiego, 1633, 1167 s. (in Old Polish)

Информация об авторе

Светлана Климентьевна Севастьянова, доктор филологических наук

Information about the Author

Svetlana K. Sevastyanova, Doctor of Sciences (Philology)

*Статья поступила в редакцию 03.03.2026;
одобрена после рецензирования 23.03.2026; принята к публикации 23.03.2026
The article was submitted on 03.03.2026;
approved after reviewing on 23.03.2026; accepted for publication on 23.03.2026*